

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Рагимханов А.В., Александрова Е.А. Владимирский герб: взгляд в ретроспективу // Genesis: исторические исследования. 2025. № 7. DOI: 10.25136/2409-868X.2025.7.70747 EDN: KHYHCA URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70747

Владimirский герб: взгляд в ретроспективу

Рагимханов Алексей Валентинович

бакалавр; кафедра ДИИР; Владимирский Государственный Университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

600000, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Горького, 87

✉ welci@mail.ru

Александрова Елена Александровна

ассистент; кафедра ДИИР; Владимирский Государственный Университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

600022, Россия, Владимирская область, г. Владимир, ул. Завадского, 9А, кв. 42

✉ aleksa-aea@yandex.ru

[Статья из рубрики "История отдельных регионов России"](#)

DOI:

10.25136/2409-868X.2025.7.70747

EDN:

KHYHCA

Дата направления статьи в редакцию:

15-05-2024

Аннотация: Объектом исследования является вопрос происхождения современного герба города Владимира, сыгравшего одну из ключевых ролей в становлении города Москвы, как политического, культурного и национального центра России. Подобный вопрос поднимался за последнее столетие в науке неоднократно, однако, основной посыл практически не изменился за прошедшее время, и определяет владимирский герб, как наследную эмблему местной ветви Юрьевичей, с опорой на изобилие львиной символики на стенах владимиро-суздальских соборов. При всём этом, не учитывается ограниченность в XII-XIII в. геральдики и гербовой системы странами, вовлечёнными в орбиту католической церкви и не принимается во внимание существование у князей

домонгольской Руси. Методология исследования Владимирского герба включает в себя изучение его происхождения, символики. Метод основан на историческом подходе, изучении и анализе работ учёных. Изучения белокаменного зодчества, церковного убранства и княжеских знаков Владимира-Сузdalской земли XII-XIII в.в. Произведён анализ геральдических источников, таких как сочинение «Титулярник» 1672 года. Научная новизна заключается в подходе и собрании воедино вседоступной информации по данному вопросу. Герб выражает конкретные качества львиного леопарда и является носителем некой идеи, стремлением, «ретроспективным отпечатком» будущей культурно-политической столицы, Москвы. Основным выводом проведённого исследования является – отдельная знаковая система маркирования собственности и документации. Таким образом, исследования официального герба города Владимира не позволяют проследить его бытование ранее второй половины XVII века. Полностью игнорируется огромный временной разрыв между годами постройки владимиро-суздальских соборов и моментом первого появления львиного леопарда на эмблеме города Владимира. Ввиду большой значимости данного центра для истории России, современность требует нового осмыслиения факта происхождения владимирского герба с более широким взглядом на исследуемый вопрос.

Ключевые слова:

Геральдика, Герб Владимира, Львиный леопард, Княжеские знаки, Владимиро-суздальская архитектура, Титулярник, Франц Санти, Ездец, Рельеф, Щит

Одним из важных составляющих исторической науки в той её части, которая напрямую связана с изобразительным искусством в частной и общественной жизни, является изучение знаковых систем прошлого. Исследование символов, маркирующих тот или иной объект или феномен, позволяет лучше понять причинно-следственный ряд, дать более точную характеристику явлению, проследить его культурные, политические и экономические связи.

При этом необходимо отметить, что зарождение и развитие знаковых систем в различные эпохи и на различных территориях проходило так же неодинаково, что не позволяет подвести данные процессы под общий временной знаменатель.

Русь, как одна из основных стран, формировавших мировую историю, так же прошла через последовательность стадий формирования своей индивидуальной знаковой системы, прежде чем вошла в классический для западноевропейской цивилизации геральдический круг. Оставляя за рамками данного исследования общегосударственную символику, имеет смысл обратиться к частному случаю формирования ныне существующего герба города, сыгравшего одну из ключевых ролей в становлении Москвы, как политического, культурного и национального центра России. Этим городом является Владимир, расположенный в 200 км восточнее нынешней столицы и некогда давший ей династию потомков князя Всеволода Юрьевича, главную святыню – Владимирскую икону Божией Матери - и культурно-политический код, на века, определившие опорные точки в процессе сложения великороссийской державности.

Если обратиться к официальным муниципальным документам [\[27\]](#), то нынешний герб Владимира выглядит, как «в красном поле стоящий на задних лапах лев, имеющий на голове железную корону. Лев держит в передней правой лапе длинный серебряный крест», что в свою очередь согласно решению местного горсовета [\[36\]](#), является

памятником «истории и культуры, имеющий древние исторические корни. Еще в XII веке изображение леопардного зверя было родовым знаком владимирских князей, атрибутом сильной власти, способной превозмочь феодальное дробление Руси».

Принимая во внимание, что само значение термина герб восходит к немецкому *erbe* — «наследство», имеет смысл рассмотреть, насколько нынешний символ города отражает заявленные в официальных документах «древние исторические корни» и вообще может быть соотнесён с многовековой историей Владимира и его ведущей в прошлом ролью в формировании основ великороссийской государственности.

Так как рассматриваемый город основан на рубеже XI-XII столетий [6], то разумно учесть, что Средние века являются эпохой, в которой люди твёрдо ассоциируют верховную власть не с основным законом (*constitutio*) и не с выборными органами управления, а с отдельной семьёй, чьи представители облечены данным качеством. В силу некоего стартового договора между её родоначальником и представителями вверяемых в её попечение общин [23, С.19]. Таким образом, государство в данную эпоху не будет исключительно механизмом юридическим, а скорее системой соподчинений, определяющим местом в которых становится родовое, а через это и социальное, происхождение того или иного субъекта.

Вступая во взрослую жизнь, цивилизованный человек, а именно таким было европейское, в том числе русское средневековье, неизбежно вступает в имущественные и прочие взаимоотношения с окружающими, что подчас требует внешнего подтверждения документации (договора, завещания и т.д.), либо маркирования собственности (земля, недвижимость, скот и т.д.). Таким образом, в случае Руси, получается, что высшей наглядной визой на манускрипте политического или экономического характера являлся знак (древнерусское «пятнь») того или иного князя.

Данная символика хорошо рассмотрена в соответствующей литературе (В.Л.Янин, П.Г.Гайдуков, С.М.Михеев), и не может быть отнесена к классической гербовой системе, которую изучает наука геральдики, по двум основным причинам. Во-первых, все княжеские знаки являлись своеобразной личной подписью того или иного представителя династии и их юридическая сила завершалась со смертью владельца, таким образом, отец не передавал свой «пятнь» сыну, что само по себе противоречит значению термина герб, как некоего наследного символа. Во-вторых, отношение волостя и города на Руси регулировалось «рядом», т.е. договором между ними и в случае нарушения его условий первый мог быть смешён с занимаемой должности, следовательно, личный знак правителя тем более не мог стать маркировкой последнего, ведь случаев изгнания князей русское летописание знает великое множество. Отсюда можно сделать логичный вывод, что герб Владимира, даже если бы он существовал с момента основания города и в первые полтора столетия его истории, изначально не мог нести династическую эмблематику, ввиду принципиального отсутствия таковой в устойчивом виде и, кроме того, частой сменяемости князей на местом троне.

Оставляя за рамками данного исследования вопрос, что же было символом Владимира в его первые века бытования, имеет смысл обратиться к критике взглядов учёных, в чьих трудах именно львиный образ утверждается, как семейный маркёр местной ветви Рюриковичей.

Первые научное заявление подобного рода сделал ещё до революции профессор А.И.Соболевский, назвавший без всякой аргументации льва «родовым знаком суздальско-ростовских князей» [33, С.60-61], свою догадку учёный вывел из изучения

декора предметов церковного назначения. Ему вторил А.И Некрасов, так же относивший этот образ к местной династии в геральдическом смысле [19, С.29-30]. В данном случае автор сделал подобный вывод после изучения резного убранства XII-XIII в.в. местных белокаменных соборов, которые в изобилии украшены декоративными изображениями представителей рода Panthera. Развивая свою мысль, А.И.Некрасов в работе 1928 года уже напрямую называет льва – гербовым символом суздальских князей, делая основной упор на рельеф великомученика Георгия Победоносца 30-х годов XIII века с Георгиевского собора города Юрьев-Польского. Где действительно на щите святого размещена фигура хищного зверя, а так же на миниатюре Фёдоровского Евангелия XIV века с подобной иконографией великомученика Фёдора Стратилата [20, С.406-409].

Современник исследователя С.Фраткин видит в упоминаемом животном не льва, а, скорее, дракона, связывая его с житием великомученика Георгия Победоносца [37, С.94] и называя изображение гербом, впрочем, без отсылки к чему бы то ни было. При этом нужно отметить, что зверь на рельефе может быть опознан и как волк, образ которого сопряжён с данным святым в народных представлениях восточных славян [35], сопряжённых с византийскими культурными веяниями [10, С.121]. С учётом обилия мифических существ в резьбе домонгольских белокаменных соборов Ростово-Сузdalской земли, такое толкование представляется вполне допустимым.

Следом своё мнение, согласное с предыдущими исследователями, выразил академик А.В.Арциховский [3, С. 33-34], так же использовавший термин герб и относивший львиную символику к князю Юрию Долгорукому, как родоначальнику суздальской династии. Своё мнение учёный обосновывал одной единственной миниатюрой из Радзивилловской летописи конца XV века, лишённой всякой персональной конкретики. Впрочем, тот же геральдический посыл можно найти в работе О.И. Подобедовой [22, С.78], которая, тем не менее, считает, что крайний левый воин на иллюстрации и зверь с поджатым хвостом являются плодом труда другого мастера, как дополнение к уже существовавшему сюжету. Поддерживает взгляд А.В.Арциховского и академик Б.А.Рыбаков [27, С.186-187], но никаких собственных обоснований к этому не подводит. Следом за вышеупомянутыми авторами подобное мнение имеется в работах исследователей древнерусского культурного наследия. Таких как Г.К.Вагнера (с оговорками) [7, С.254-256], Н.Н.Воронина [8, С.296] [9, С.89], Н.А.Соболовой [32, С.16], К.А.Аверьянова [1, С.107] [2, С.141], А.Г.Силаева [30, С.56-58] и некоторых иных.

Сомнение в происхождении современного владимирского герба от неких домонгольских родовых знаков, особенно с изображением льва, высказаны Н.П.Лихачёвым [16, С.279], Г.И.Королёвым [13, С.60-67], Е.В.Пчеловым [24, С.64] и рядом других исследователей.

При этом, главным источником образа льва, как символа местной династии, для прежде упомянутых учёных являлись его изображения либо на религиозных постройках, либо на церковных предметах (утварь, двери, книжная миниатюра и т.д.), что само по себе должно в первую очередь истолковываться в рамках христианской семиотики, а уже после как-то иначе.

Действительно, резные образы на белокаменных соборах Владимира-Сузdalской земли выстроены в удивительно логичный и ясный с точки зрения церковного вероучения ряд, где каждая фигура занимает своё место и играет свою повествовательную роль [25]. Можно предположить размещение в этом ряду современного зрителю земного

правителя, как легата Царя Небесного, несущего ответственность за вверенный ему народ, согласно христианской концепции, «ибо нет власти не от Бога» [\[5, С.1240\]](#). Но уместно ли размещение сотен эмблем собственной семьи на нескольких белокаменных постройках, вся хронология которых укладывается в три поколения? По крайней мере, в средневековой изобразительной культуре подобных примеров не наблюдается нигде, нет их и на Руси.

Следует отметить, что и львы в резьбе владимиро-суздальских соборов и на произведениях прикладного искусства все разные: позы, сюжеты, вплоть до того, что некоторые из них контекстно отображают противоположность божественному началу, проецируют не святое, а дьявольское [\[10, С.128-130\]](#) [\[11, С.78-82\]](#). Наиболее же популярный в качестве наличного аргумента у упоминаемых выше исследователей камень с Георгиевского собора с резной иконой великомученика Георгия Победоносца, держащего в руке щит с неким диким зверем, хорошо соотносится с текстом церковной службы святому, где одна из метафор сравнивает его напрямую со львом: «*Твердым мудрованием уповав, самохотне дерзнул еси, якоже лев, славне, к страданию*».

Изображение хищного зверя на щите из сравнительно позднего времени по отношению к рассматриваемому памятнику Фёдоровского Евангелия имеет на Руси не единичный характер. Оно находит прямые аналогии в зарубежном средневековом искусстве, и так же может быть отнесено к символизму христианской иконы, чем к некоему гипотетическому общему гербу потомков владимирских Юрьевичей. Кроме того, как в случае с рельефом из Юрьев-Польского, зверь на книжной миниатюре не может быть однозначно опознан именно как лев.

Иными словами, имеется тенденция видеть геральдику и гербы в любом сколь бы то ни было подходящем образе, при этом не учитывается, что средневековая знаковая система развивалась не только в юридическом, сколько в богословском ключе и прежде чем осмыслять первое, необходимо исключить второе. Выяснить, с чем имеется дело: с явлением светским или религиозным. Что при условии полисемантичности отдельных символов не всегда аргументировано удаётся.

По какой-то причине перечисленные исследователи упускают и размещение упоминаемого выше личного княжеского знака на местных постройках. Два таких символа описывает профессор Воронин в своей фундаментальной монографии [\[8, С.258, 323-325\]](#), ещё один личный «пятнъ» князя Юрия Долгорукого сохранился на тёсаном известняковом камне из Суздаля (ныне в собрании ГВСМЗ), а во владимирском Успенском соборе такой рисунок имеется на домонгольской стенописи и требует дополнительного исследования. Присутствует он, при условии точной репликации в XVI веке, на иконе великомученика Димитрия Солунского из собора города Дмитрова (ныне в собрании ГТГ) [\[29, С.235-236\]](#). Интересна и пострадавшая в годы ВОВ фресковая роспись из церкви Спаса на Нередице конца XII столетия, где князь Ярослав Владимирович подносит Христу храм, маркированный тем же самым образом. Пусть она и не относится к рассматриваемому историческому региону, но тут сам важен принцип размещения подобных эмблем на постройках.

Получается, что на церковных сооружениях и убранстве Суздальской земли и так присутствовали личные княжеские символы, некоторые из которых дошли до современности. Надо отметить, что эти же знаки присутствуют на свинцовых печатях (моливдовулах) представителей местной ветви династии Рюриковичей, часто в паре с патрональными святыми. То есть на тех предметах, которыми скреплялись документы, в

том числе государственные. Примечательно полное отсутствие во всём домонгольском сфрагистическом материале образа льва, то есть там, где он должен быть обязательно, как родовой юридический знак, его как раз и нет.

Итак, гипотетический символ рода суздальских Юрьевичей, который мог, по мнению упоминаемых выше исследователей, стать прототипом нынешнего герба города Владимира, таковым по ряду объективных причин не стал. А если и имеет смысл рассматривать какую-то общую для упоминаемой семьи эмблему, то таковой предположительно является так называемый «ездец» - изображение всадника в различных вариациях (с нимбом или без, с копьём или саблей, повержающего змея и т.п.). Однако впервые изображение всадника (ездцеца) можно увидеть только во второй трети XIII века на моливдулах князя Александра Невского. И в дальнейшем его использование будет спорадическим, вплоть до окончательного утверждения *de facto* его в качестве государственной символики при последнем представителе старшей ветви рода суздальских Юрьевичей на троне – царе Фёдоре Ивановиче в конце XVI столетия.

Прежде чем обратиться к вопросу формирования нынешнего герба города Владимира, имеет смысл кратко рассмотреть вопрос зарождения гербовой системы как таковой. Французский архивист и палеограф Мишель Пастуро высказывает мнение о появлении особых знаков отличия, которые в дальнейшем легли в основу геральдики, в ходе массовых инициированных Римской католической церковью Крестовых походов. Необходимость в «узнавании» своих в первую очередь на поле боя, заставляла участников, лиц благородного происхождения, наносить на свои доспехи различные изображения. В начале I Крестового похода (1096 г.) никакой гербовой системы в Западной Европе ещё не существовало, а ко II Крестовому походу (1147 г.) она уже сложилась, как общераспространённое явление со своими установившимися правилами [\[12, С.228-229\]](#) [\[21, С.16-17\]](#) [\[39, С.138\]](#). Так как рисунки покрывали воинское снаряжение, в первую очередь щиты, то и их хартийные изображения помещались в соответствующий контур. Обычным делом было украшение шлема, т.е. головного убора, который так же становится частым атрибутом геральдического дизайна. Временами присутствует боевой пояс, на котором традиционно надписывали девиз (т.е. индивидуальный боевой клич). На рубеже XII-XIII веков широко распространявшиеся по Западной и Южной Европе эмблемы становятся наследными, собственно гербами, появляются первые гербовники. Тогда же геральдика выходит за рамки сословия синьоров, затрагивая духовенство и, что важно для данного исследования, города [\[38, С.215\]](#).

Таким образом, формирование гербовой системы символов пришлось, главным образом на XII столетие и было связано с насущной необходимостью распознавания «свой/чужой» [\[12, С.238\]](#) в процессе массовых военных мероприятий, проводившихся на значительном удалении от традиционных мест проживания западноевропейской католической аристократии.

Другим важным аспектом для появления геральдики являлся сам контекст эпохи, а именно всеобщая вовлечённость всех сословий Европы в рамки христианского вероучения, постулирующего восхождение к всемогущему небесному Прообразу через образ (*imago, εἴκων*) вполне себе земной и материальный. При всём том Запад шёл своим интеллектуальным путём, отличным от мистического пути христианского Востока, всё более приближаясь к рационально-умственному постижению божественного откровения к тому, что будет в дальнейшем расхоже названо схоластикой. Это подвигало католическую церковь к главенству юридических норм, к торжеству написанного документа, что в светском контексте неизбежно толкало к совершенствованию его

подлинности, к развитию визирования, через это к созданию сложной системы знаков и образов, принадлежащих конкретным субъектам права [\[4, С.46-47\]](#)

Разумно предположить, что данная система выросла не на пустом месте, что ей предшествовал определённый символический ряд, маркирующий в первую очередь тех или иных представителей служилой аристократии, а именно сословия рейтеров, шевалье, кабальеро и прочих. Начиная с каролингской эпохи VIII-IX в.в. сословия образовывались в пирамиду, которые позже назывались историками феодальной. Жалуемые за службу земли (лены, феоды) были подчас наследными и требовали соответствующей документации, которая в свою очередь требовала ясного семейственного обозначения. По мере усложнения феодальных отношений (в наиболее классическом виде сложившихся как раз на землях Каролингов), усложнялась и система эмблем, а Крестовые походы выступили в данном случае в роли ускорителя процесса сложения будущей науки геральдики [\[15, С.15\]](#).

Общеизвестно, что православная Русь в Крестовых походах не участвовала, а так называемые княжеские усобицы фактически не имели значительного размаха, который бы требовал особой системы внешнего маркирования персоналий с целью распознавания. Тем более, не было необходимости в частных родовых знаках, что происходило из самой системы управления, когда высшая власть равно принадлежала всем представителям мужского пола одного клана, возводившего своё происхождение к киевскому князю Владимиру Святославичу, и только вопрос чередования наследников играл хоть сколько-то существенную роль. Одновременно, русская церковь, будучи православной, не была вовлечена и в схоластическую модель богословия, так сильно повлиявшую на развитие юридической науки на христианском Западе.

Эти три отличия и не позволили Руси с её распространёнными частновладельческими эмблемами сразу же войти в общую для католического мира геральдическую систему, а дальнейшему её заимствованию в готовом виде помешали нашествие Батыевой орды (1238-1242 годы). Ориентированная после этого трагического контакта со степью сугубо на православную культуру политика первых зависимых князей.

На протяжении сер.XIII –XVII в.в. в качестве опознавательных символов династии использовалась совершенно различные образы, среди которых присутствует и лев (печати князей Василия Тёмного и Ивана Великого). Однако никакой длительной наследственной традиции в их использовании не наблюдается. При всём том, первой действительно устойчивой политической эмблемой на Руси, ставшей впоследствии первым гербом страны, является двуглавый орёл (с последней четверти XV столетия). Следует упомянуть, что он имеется на южной входной паре собора Рождества Богородицы города Суздаля на рубеже XII-XIII в.в., никогда не рассматривался исследователями, как некий ранний «прототип» или «прообраз» будущей государственной символики.

Важно и то, что в XV-XVI веках в России появляются и первые условные городские эмблемы, связываемые с землями, центры которых они обозначают. Их можно увидеть на печати царя Ивана Грозного и, одновременно, отметить, что с гербовой символикой тех же мест, появившейся значительно позднее, они не всегда соотносятся, а чаще всего не соотносятся вовсе. Так же следует отметить, что гипотетического предка «владимирского герба», тем более с львиным леопардом, среди этих символов нет.

Впервые как маркёр Владимира данный образ появляется без всякой ретроспективной привязки в сравнительно позднем произведении средневекового книжного искусства

«Титулярнике» 1672 года [26, С.56] [24, С.64], созданном в самом конце правления царя Алексея Михайловича. При этом эмблема отражает не собственно город, а его место в политическом титуле в ряду иных владений московского государя. Несмотря на то, что строгой геральдической системы в изображениях ещё не прослеживается (например, двуглавый орёл обозначает лишь первенствующий титул «московский»), заметно изобилие гербов иностранных государств и политиков, с которыми, так или иначе, взаимодействовал российский монарх. Отдельно нужно отметить, что именно последние и называются в первом издании «Титулярника» гербами, а то, что касается Руси, именуется печатями. Впрочем, лишь в отдельных случаях, так как большая часть символических изображений отмечена лишь названием территории. В дальнейшем понятия герб и печать становятся синонимами.

Таким образом, упомянутое сочинение 1672 года не даёт сведений о происхождении современного владимирского герба, а лишь констатирует факт присутствия львиного леопарда в маркировании города Владимира и, очевидно, его окрестностей касательно царского титула. Полное отсутствие визированием данным символом рабочей документации XVII - начала XVIII в.в. делает сомнительным практическое применение подобного изображения в указанную эпоху. Кроме того, касательно «Титулярника», до сих пор не проведена работа по формально-геральдическому изучению российских территориальных эмблем, размещённых в нём, не определены их источники, не сделаны общие выводы по принципам формирования наглядного материала [18].

Следует признать, что отдельные факты проникновения гербов и геральдических правил в символику Русского государства бывали на протяжении XV-XVII веков. Например, это резные изображения на углах Боровицкой воротной башни Московского кремля конца XV столетия. Эмблемы отдельных территорий размещены на конских щитах-налобниках, обрамляемых лентами ремней. «Печать магистра лифляндского» - эталонный западноевропейский герб - имеется на большой печати Ивана Грозного 1573 года [31, С.161, 164]. А в упомянутом «Титулярнике» образ всадника с копьём на двуглавом орле вписан в обрамление боевого щита [26, С.69]. Однако все эти спорадические заимствования не были в полной мере усвоены русской культурой допетровской эпохи и не составили какой-либо внятной системы.

При всём том, ближайшей к Москве страной, которая активно применяла наработки геральдики, была Речь Посполитая. Оставляя за рамками данного труда вопрос об участии польской аристократии в создании самого явления, нужно отметить, что именно эта страта тамошнего общества была буфером между тогдашней российской элитой и западноевропейской культурой в целом.

Особенно активно заимствования через Речь Посполитую шли в XVII столетии, его второй половине, что во многом было связано с возвращением земель, прежде отторгнутых от Руси и длительно находившихся в составе польско-литовского государства (Переяславская рада 1654 г., Русско-польская война 1654-1667 г.г.). Вместе с территориями и простолюдинами в подданство русского царя попало значительное количество прочно усвоившей европейские католические культурные ценности малороссийской шляхты, что, разумеется, не могло не повлиять на позитивные настроения уже русского дворянства в сторону этих ценностей [32, С.33]. Неудивительно, что и вдохновителем создания «Титулярника» 1672 года был близкий боярин, глава Малороссийского и Посольского приказов Артамон Сергеевич Матвеев (1625-1682) – один из первых убеждённых российских «западников» [40, С.22-23].

Итак, за оговариваемым выше отсутствием в местном материале ясного прототипа нынешнего владимирского герба, имеет смысл обратиться к вероятности заимствования его из геральдики Речи Посполитой, как наиболее близкой в культурном отношении к России в момент составления «Титулярика». То есть в момент первого появления львиного леопарда в истории, как условного маркёра города Владимира.

Одной из причин войн с Речью Посполитой было желание московского царя вернуть в орбиту восточно-христианского русского мира прежде православные земли, захваченные в прошлом иноплеменниками и иноверцами. Таковыми в первую очередь являлись территории западной и юго-западной части Древней Руси, оккупированные в разные времена литовскими и польскими агрессорами. Так же подвергнутые после Люблинской унии 1569 года и Брестской унии 1596 года полонизации и окатоличиванию. Так как данные земли были включены в административную систему Речи Посполитой, то имели и свой герб в виде щита со стоящим на задних лапах львиным леопардом [\[41\]](#). Немецкий же гербовник конца XV в. относит эту эмблему к Малой России в составе Польши по статусу наравне с двумя иными, относящимися к данному государству – собственно польским белым орлом и литовской «погоней» [\[42\]](#).

При всей условности данного построения, именно притязания московских правителей на прежде русские земли должны были так иначе быть мотиваторами создания некой символической системы, ясно связывающей историю северо-восточной и юго-западной Руси. «Титулярик» 1672 года ведёт начало русской государственности от Рюрика, через киевского князя Владимира Святого, а далее потомков владимирских Юрьевичей к царю Фёдору Алексеевичу. Смена династии автора не смущает, важна суть самой власти – религиозное и политическое преемство, которое распространяется и на территории «дедов и отцов». То есть на заграничные к тому времени земли, собирание которых начал ещё титулярно владимирский князь Иван III Васильевич, чья объединительная идея, очевидно, нашла отражение и в современных ей письменных документах [\[17, С.300-301\]](#).

Сам же город Владимир, основанный Крестителем Руси – предтеча и зчинатель культурного кода будущего царства на Москве. Что активно вносили в летописи московские книжники XV-XVI в.в., создававшие первый общерусский свод, и что не соответствует исторической действительности [\[6\]](#) [\[8, С.39\]](#), как нельзя лучше олицетворял это преемство. В этом можно увидеть причину, почему современный «Титулярик» 1672 года герб Малой Руси в составе Речи Посполитой внезапно становится прототипом будущего герба города на Клязьме. С одной только деталью, что львиный леопард несёт в лапах крест, что и неудивительно при тогдашнем антагонизме христианских церквей востока и запада, каждая из которых считала себя единственной истинной и подкрепляла это мнение суровыми репрессиями.

Но «Титулярик» скорее иллюминированный политический буклет для пользования в высших эшелонах власти тогдашней России. Его незначительная изученность, о чём упоминалось выше, не позволяет современной науке сделать выводы о практическом применении большей части присутствующих в нём местных эмблем, в том числе и владимирской.

Таким образом, бытование владимирского герба, равно как и в целом геральдики в России сомнительно. По крайней мере, вплоть до петровской эпохи, а именно до создания при Сенате Герольдмейстерской конторы в 1722 году и участия в её работе приглашённого из Италии «для отправления геральдического художества» специалиста

в данной области - Франца Санти (Francesco Santi).

В первую очередь был начат сбор фактического материала, в провинции государства делались запросы о наличии гербов, а также о природных и исторических особенностях того или иного города или региона [32, С.52]. Уже само это наталкивает на мысль, что геральдическая система в России фактически создавалась «с нуля», и если для общегосударственной символики имелись более-менее устойчивые прототипы (в том числе позаимствованные из «Титулярника» 1672 года), то для большинства территориальных единиц гербы в прямом смысле слова приходилось выдумывать. При этом даже те эмблемы, что уже как полвека использовались русскими монархами в оформлении дворцов, знамён и прочих зримых атрибутов государственной власти, подчас не был известны в городах, которые олицетворяли, а, следовательно, не несли никакой юридической нагрузки дальше царского титула. Из Владимира в Герольдмейстерскую контору пришёл такой же ответ, как и из ряда других регионов, что ни о каком гербе местное начальство не знает.

Итак, Ф.М.Санти по пожеланию Петра Первого положил начало широкому распространению геральдики в России, по большей части сочиняя гербы городов ввиду их природных и исторических обстоятельств. Символика становилась обязательной и входила в провинциальный документооборот, сближая в этом смысле Русь и Западную Европу. Гербы получила и высшая знать.

Работа первого российского «геральдического художника» неизбежно производилась под влиянием воспоминаний о его родине Италии. Достаточно сравнить гербы городов Святого апостола Петра на Тибре и на Неве, чтобы отметить их структурную схожесть – формирование эмблемы второго находится под прямым влиянием первого. По всей видимости, не избежал некой «редакции» и герб Владимира. По крайней мере, старейшее его изображение XVIII века в «Реестре имеющихся в Военной коллегии рисунков гербов» 1728 года среди тех, что «рисовал Сантий» [34, С.115,197] предстаёт отличным от помещённого в «Титулярнике» 1672 года. Лев, размещённый на красном поле, шествует влево, а его голова повёрнута на зрителя, что вызывает ассоциации с историческим гербом Венеции.

Окончательное сложение современной официальной эмблемы города Владимира относится к эпохе императрицы Екатерины II и связано с проведением реформы местного самоуправления. В 1781 года вместе с прочими городскими гербами Владимирского наместничества она окончательно утвердила и юридический символ административного центра. А с 1785 года «Городское положение» предписывает «оный герб употреблять во всех городовых делах». По форме и виду это был: «В красном поле стоящий на задних лапах лев, имеющий на голове железную корону, держит в передней правой лапе длинный серебряный крест». Впрочем, как это убедительно показал Г.И. Королёв [14], упоминание «железной короны» не более чем канцелярская оплошность, так как в самых ранних описаниях XVII-XVIII веков она указана золотой.

Таким образом, ретроспективное исследование современной официальной символики Владимира, а именно его герба, утверждённого в документах органов местного самоуправления, как маркёр города, не позволяет проследить его бытование de facto ранее второй половины XVII столетия. В юридическом же отношении его окончательное «закрепление» в местной документации происходит только в 1785 году.

Как было показано выше, обстоятельства и условия бытования древнерусского общества в XII-XVII веках не предполагали наличия развёрнутой геральдической системы, и её

появление в определённую эпоху в России связано как с насущными требованиями государственной жизни, так и с волей царя-реформатора.

Герб, будучи с одной стороны выразителем конкретных качеств обозначаемого им субъекта, тем не менее, является и перманентным носителем некоей идеи, стремления, «ретроспективным отпечатком». Именно поэтому, как было показано выше, в определённую эпоху городу Владимиру, как культурно-политическому предшественнику Москвы, был усвоен характерный и своевременный символ-носитель идеи созиания бывших русских земель вокруг усиливающейся православной столицы.

Библиография

1. Аверьянов К.А. Из предыстории московской геральдики. Кто изображен на гербе Владимира? // История Московского края : проблемы, исследования, новые материалы. материалы научно-практических конференций, посвящённых 400-летию завершения Смуты в России. 2019. С. 100-110.
2. Аверьянов К.А. К вопросу о времени возникновения гербов в России // Музей. Памятник. Наследие, 1(7) / 2020. С. 11.
3. Арциховский А.В. Древнерусская миниатюра как исторический источник. – М., 1944. С. 352.
4. Бедос-Резак Б.М. Средневековая идентичность: знак и понятие [пер. с англ. Д.В. Байдужа] // Signum. Альманах Центра гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН. М., 2010. Вып. 5. С. 19-93.
5. Библия: книги священного писания Ветхого и Нового Завета. – М., 1988. С. 1376.
6. Бунин А.И. О времени основания города Владимира на Клязьме. // Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом. – М., 1898. № 5-6. С. 179-189.
7. Вагнер Г.К. К вопросу о владимиро-суздальской эмблеме// Историко-археологический сборник: А.В. Арциховскому к 60-летию со дня рождения и 35-летию научной, педагогической и общественной деятельности. – М., 1962. С. 254-264.
8. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. В двух томах: Т. 1. XII столетие. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1961. С. 584.
9. Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. В двух томах: Т. 2. XIII–XV столетия. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. С. 560.
10. Гладкая М.С. Каталог белокаменной резьбы Дмитриевского собора во Владимире: барабан, резьба четверика (регистр прясел над аркатурой) / М.С. Гладкая. – Владимир: Владимирская областная научная библиотека, 2019. С. 872.
11. Гладкая М.С. Символика и иконография изображений белокаменной резьбы Дмитриевского собора во Владимире: (композиции, сюжеты, отдельные образы и мотивы) / Гладкая М.С. – Владимир: Владимирская областная научная библиотека, 2019. С. 872.
12. Кин М. Рыцарство. М.: Научный мир, 2000 (англ. – 1984). С. 520.
13. Королёв Г.И. К вопросу о происхождении владимирского герба // Гербовед, № 95 – М., 2007. С. 60-67.
14. Королёв Г.И. О металле короны владимирского гербового льва // Гербовед, № 43 – М., 2000. С. 160.
15. Левандовский А.П. В мире геральдики / А.П. Левандовский. – М.: Вече, 2008. С. 226.
16. Лихачев, Н. П. Материалы для истории русской и византийской сфрагистики. Вып. 2. Л., 1929. С. 279.
17. Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII века. – М.: «Наука», 1969. С. 556.
18. Наумов О.Н. «Титулярник» 1672 г. как памятник геральдики: проблемы изучения. // Румянцевские чтения: материалы научно-практик. конф. «Память России в книжной

- культуре». – М., 2001. С. 216-219.
19. Некрасов А.М. Из сузальско-владимирских впечатлений // Среди коллекционеров. 1924. № 3-4. С. 76.
20. Некрасов А. О гербе сузальских князей// Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского, изданный ко дню 70-летия со дня его рождения Академией наук по почину его учеников под ред. акад. В.Н. Перетца. – Л., 1928. С. 406-409.
21. Пастуро М. Геральдика / пер. с фр. А. Кавтаскина. – М.: Астрель: АСТ, 2003. С. 142.
22. Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. – М.: Наука, 1965. С. 334.
23. ПСРЛ. Т.1. Лаврентьевская летопись. Вып.1: Повесть временных лет. Изд. 2-е. - Л.: Издательство АН СССР, 1926. С. 286.
24. Пчелов Е.В. Бестиарий Московского царства. Животные в эмблематике Московской Руси конца XV-XVII века. – М.: Старая Басманская, 2011. С. 204.
25. Рагимханов А.В. Дмитриевский собор, как каменная икона Небесного Иерусалима. // Развитие региональной художественной культуры: традиции, опыт, инновации [Электронный ресурс] : материалы всерос. науч.-практ. конф. Влади-мир, 31 мая 2023 г. / Владим. гос. ун-т им. А. Г. и Н. Г. Столетовых; Пед. ин-т, Каф. дизайна, изобр. искусства и реставрации. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2023. С. 292.
26. РГАДА – Царский титулярник, 1672 (с водяными знаками архива) / РГАДА. Ф. 135. Древлехранилище. Отд. V Рубр. III. № 7. Л. 1-24;. С. 212.
27. Решение Владимирского городского Совета народных депутатов от 17.03.1992 N 50/7 "О гербе города Владимира". The Internet Archive: сайт. URL: <http://www.cfo.info.com/okrug3e/rajonvu/read7wdrqzn.htm> (дата обращения: 01.05.2024)
28. Рыбаков Б. А. Петр Бориславич. Поиск автора "Слова о полку Игореве". – М.:Молодая гвардия, 1991. С. 288.
29. Рыбаков Б.А. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. // «Советская археология», № 6, 1940. С. 227-257.
30. Силаев А. Г. Истоки русской геральдики. А. Г. Силаев. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. С. 238.
31. Соболева Н.А. Очерки истории российской символики: от тамги до символов государственного суверенитета. – М.: Языки славянских культур; Знак, 2006. С. 487.
32. Соболева Н.А. Старинные гербы российских городов. – М.: «Наука», 1985. С. 176.
33. Соболевский А. Медные врата// Русская икона. Сб. I. – СПб., 1914. С. 93.
34. Татарников К. В. Знамёна и гербы полков Российской армии царствований Екатерины I и Петра II (1725–1730) // История военного дела: исследования и источники. – 2012. – Т. I. С. 51-215.
35. Топорков А.Л. Сюжет о Егории Храбром – волчьем пастьре в славянском фольклоре и русской литературе первой трети XX в. // Письменность, литература, фольклор славянских народов. История славистики. XV Международный съезд славистов. Минск, 20-27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 529-557.
36. Устав муниципального образования города Владимира. Официальный сайт органов местного самоуправления города Владимира: сайт. URL: https://vladimir-city.ru/upload/%D0%A3%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_10.2023.pdf (дата обращения: 01.05.2024)
37. Фраткин С. Рельефное изображение св. Георгия на портале Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском // Светильник. 1915. № 9-12. С. 11-12.
38. Черных А.П. Геральдика в средневековом городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М.: Наука, 2000. С. 214-222.

39. Черных А.П. Появление гербов как проблема гербоведения и истории XII века.// Средние века: исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. Вып. 74 (3-4). Ин-т всеобщей истории РАН. – М.: Наука. 2013. С. 124-149.
40. Щепотьев Л. Ближний боярин Артамон Сергеевич Матвеев как культурный политический деятель XVII века. – СПб.: 1906. С. 151.
41. Großes Wappenbuch, enthaltend die Wappen der deutschen Kaiser, der europäischen Königs- und Fürstenhäuser, der Päpste und Kardinäle, Bischöfe und Äbte bis zu den lebenden Repräsentanten zur Zeit der Regentschaft Kaiser Rudolfs II. und Papst Gregors XIII. – BSB Cod.icon. 333. Bayerische Staatsbibliothek: сайт. URL: <https://bildsuche.digitale-sammlungen.de/index.html?c=viewer&bandnummer=bsb00002481&pimage=28> (дата обращения: 01.05.2024)
42. Das Wappenbuch Conrads von Grünenberg, Ritters und Bürgers zu Constanz – BSB Cgm 145. Bayerische Staatsbibliothek: сайт. URL: <https://bildsuche.digitale-sammlungen.de/index.html?c=viewer&bandnummer=bsb00035320&pimage=00051&einzelsegment=&v=100&l=ru> (дата обращения: 01.05.2024)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Сегодня в условиях поэтапного усиления геополитического влияния России в нашем обществе наметился устойчивый интерес к родному прошлому. Строго говоря на переломных этапах всегда наблюдается возрастание интереса к истории: чего стоит только эпоха Перестройки, когда в условиях гласности началось обсуждение ранее запретных тем. Но, к сожалению, в условиях конца 1980-х - начала 1990-х гг. произошло насыщение рынка именно псевдоисторической литературой, а нередко и прямой фальсификацией. Именно поэтому в наше время так важно подлинно научное изучение отечественной истории, в том числе геральдической символики.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой является герб города Владимир. Автор ставит своими задачами рассмотреть обсуждение природы владимирской символики, а также определить ее вклад в формировании московской символики.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Автор также использует сравнительный метод.

Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор на основе различных источников стремится охарактеризовать историю герба города Владимира. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 40 различных источников и исследований, что само по себе говорит о том объеме подготовительной работы, которую проделал ее автор. Из привлекаемых автором источников укажем на Полное собрание русских летописей, а также документы из фондов Российского государственного архива древних актов. Из используемых исследований укажем на труды Г.И. Королева и А.М. Некрасова, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения владимирской геральдики. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки

зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как геральдикой, в целом, так геральдикой Владимира-Сузdalской земли. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "исследование символов, маркирующих тот или иной объект или феномен, позволяет лучше понять причинно-следственный ряд, дать более точную характеристику явлению, проследить его культурные, политические и экономические связи". Автор показывает, что

"ретроспективное исследование современной официальной символики Владимира, а именно его герба, утверждённого в документах органов местного самоуправления, как маркёр города, не позволяет проследить его бытование de facto ранее второй половины XVII столетия". В работе показано, что "обстоятельства и условия бытования древнерусского общества в XII-XVII веках не предполагали наличия развёрнутой геральдической системы".

Главным выводом статьи является то, что

"в определённую эпоху городу Владимиру, как культурно-политическому предшественнику Москвы, был усвоен характерный и своевременный символ-носитель идеи собирания бывших русских земель вокруг усиливающейся православной столицы". Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Genesis: исторические исследования".